

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА

С 1976 г. начал издаваться новый журнал, посвященный истории античного мира, — American Journal of Ancient History. Главным редактором его является известный американский антиковед Э. Бэдиэн. Кроме него в состав редколлегии входят: Ф. Дж. Фрост (University of California at Santa Barbara), Э. С. Груен (University of California at Berkeley), Х. Хабихт (Institute for advanced Study, Princeton), Р. Мак Маллен (Yale University), М. Ф. Уайт (University of Toronto). Секретарь редколлегии — Л. П. Филлмор.

Объясняя необходимость появления нового издания, Э. Бэдиэн в «Предупреждении» (стр. 1), напечатанном в первом номере, отмечает, что, несмотря на обилие антиковедных журналов, выходящих в США, издания, специально посвященного историческим проблемам, среди них нет и это создает определенные затруднения для историков-антиковедов. По утверждению главного редактора данный журнал делается историками и для историков. Единственное учреждение, оказывающее ему помощь, — исторический факультет Гарвардского университета. Как указывается в «Предупреждении» (стр. 1), несколько необычное положение — независимость от учреждений и фондов — хотя и порождает некоторые трудности, но в то же время имеет и определенные преимущества.

Редколлегия подчеркивает, что она будет стремиться публиковать статьи, ориентируясь только на их качество, без учета предыдущих заслуг их авторов. Еще одна черта нового издания — отсутствие критического отдела, в нем не будут публиковаться ни рецензии, ни обзоры. Планируемая периодичность — три номера в год. В настоящее время из печати вышел первый том (№ 1—3) журнала.

Цель данного обзора — кратко изложить содержание статей, содержащихся в первом томе, с тем, чтобы читатели «Вестника древней истории» смогли ознакомиться с характером нового издания. Не стремясь к исчерпывающему анализу работ, посвященных различным проблемам истории античного общества, мы тем не менее позволим себе высказать и критические замечания относительно некоторых из них, а также постараемся выяснить, в какой мере программа, намеченная редколлегией, нашла воплощение в первых трех выпусках.

В каждом номере публикуются обычно 2—3 статьи довольно значительного объема и несколько мелких заметок по отдельным частным вопросам.

Первый номер содержит две большие статьи и одну заметку. В статье Х. Р. Роулинга III «Антиох Великий и Родос в 197—191 гг. до н. э.» (стр. 2—28) восстанавливаются перипетии дипломатической и военной борьбы в Малой Азии в начале II в. до н. э. Автор доказывает, что в указанные годы между Антиохом III и Родосом существовал тесный союз, порожденный общностью интересов. Победоносное окончание «восточного похода» привело к резкому возрастанию престижа Антиоха III в Малой Азии.

Воспользовавшись этим, селевкидский монарх стремится осуществить давние цели династии: упрочить и расширить свои владения в Малой Азии и в дальнейшем переправиться в Европу. В числе его противников в 204—197 гг. выступает не только Пергам, но и Родос. Но после разгрома Филиппа V при Киноскефалах римлянами Антиох и Родос заключают союз с целью раздела македонских владений в Малой Азии. Союз оказался выгодным для обеих сторон, он помог им установить контроль не только над македонскими, но и над итолемеевскими владениями. Весь период 197—191 гг. проходит под знаком тесного сотрудничества двух государств. Родос не мешает действиям Антиоха III и в Греции, и только после разгрома селевкидской армии и флота в Греции родосцы присоединяются к римлянам. Переход на сторону Рима дал Родосу новые значительные приращения территории. Родос был вознагражден Римом после окончательной победы над Антиохом более щедро, чем другие римские союзники.

Статья Э. С. Груена носит название «Классовые конфликты в период Третьей Македонской войны» (стр. 29—60). Считая четкую дифференциацию между богатыми и бедными постоянной чертой древнегреческого общества, автор указывает, что наиболее яркое выражение конфликты между этими группами получали в критических ситуациях — особенно в военные годы. Такую роль сыграла и Третья Македонская война, в которую оказались втянутыми многие греческие государства. В связи с этой войной (как и вообще в связи с политикой Рима в Греции) исследователи уже неоднократно ставили три вопроса: 1) определялось ли отношение к Риму классовой позицией? 2) были ли классовые конфликты порождены или стимулированы приходом римлян? 3) проводили ли римляне политику поддержки определенных политических слоев в Греции? Э. С. Груен оговаривает, что в одной статье, конечно, не могут быть найдены ответы на все эти вопросы, но лишь только на некоторые из них. Выбор в качестве объекта исследования Третьей Македонской войны объясняется состоянием источников — именно для этого периода имеется наибольшее количество свидетельств о внутренней борьбе в греческих государствах.

Наиболее распространено в науке (в связи с поднятыми вопросами) следующее решение: Рим стоял на стороне высших классов Греции, богатых и знатных, которые, в свою очередь, стремились к перестройке своих государств с тем, чтобы угодить структуре их социальным порядкам, существовавшим в Риме. Поэтому в ходе войны аристократические слои были на стороне Рима, массы же обращали свои взоры в сторону Персея (Г. Де Савктис, Т. Франк, М. Олло, Э. Вилль, Р. М. Эррингтон, Р. Вернер, Б. Форт). Некоторая модификация этой системы взглядов наблюдается у Б. Низе, А. Фукса, И. Дейнишера, которые согласны с вышеупомянутыми исследователями относительно низов, но считают, что не вся знать была на стороне римлян. Однако существует и прямо противоположное мнение: Риму была чужда греческая олигархия, он в это время поддерживал демагогов, выступал в защиту охлократии (А. Пассерини, М. Ростовцев, Л. Радица). Наконец, есть и третье течение — прагматическое, как его называет автор (П. Мелони, Дж. Брискоу), представители которого считают, что классовая принадлежность сама по себе не могла определять отношение греков к внешним силам. Но в то же время Персей в конкретных условиях Третьей Македонской войны смог использовать в своих целях ту «экономическую несправедливость», которая существовала в Греции, и неожиданно это обстоятельство сыграло важную роль в войне. Позиция же Рима диктовалась отнюдь не его приверженностью к высшим слоям, Рим в различных государствах поддерживал аристократов или демагогов, руководствуясь исключительно сложившейся политической ситуацией и своими собственными интересами.

Рассмотрев ход внутренних конфликтов в годы войны (и в ряде случаев — в годы, непосредственно предшествующие ей) в Ахейском и Этолийском союзах, Фессалии, Эпире, Акарнании, Беотии, автор приходит к выводу, что ни в одном из этих государств отношение к Риму или Македонии не определялось классовой позицией различных слоев. У Греции были собственные проблемы: нестабильность экономической ситуации, растущий разрыв между богатством и бедностью, отсутствие соответствия между заработной платой и ценами, уменьшение населения, периодические кризисы в снабжении

продовольствием. Греция отнюдь не стремилась к войне, и когда война началась, вряд ли где-либо в Греции ее приветствовали. Выбор различными государствами позиции в борьбе между Римом и Македонией целиком зависел от местных условий, от конкретной ситуации. Фессалия стремилась к независимости от Македонии, и основная часть фессалийцев, естественно, перешла на сторону Рима; в Беотии, напротив, существование старых связей с Македонией и старая вражда к Риму привели к тому, что некоторые города отчаянно сопротивлялись римлянам. Война обострила старые конфликты (не имеющие связи с отношениями этих государств к Риму или Македонии) в Ахейском союзе, Беотии, Эпире, а также региональное соперничество в Эпирской и Беотийской конфедерациях. Но ни один из этих конфликтов не был порожден войной. Практически нигде не было заметно стремление присоединиться к какой-либо из воюющих сторон, преобладало стремление к миру, к отстранению от борьбы, желание сохранить (насколько это было возможно) автономию в борьбе этих «суперсил». Хотя большинство правительств объявило о поддержке Рима, только немногие из них оказали ему действительную помощь. В целом греки не считали эту войну своей собственной войной, и никто не хотел умирать за чужое дело. Доминирующим мотивом было стремление выжить, а отнюдь не классовое сознание.

Бесспорно, эта работа представляет значительный интерес, и основные выводы автора кажутся достаточно обоснованными. Статья Э. С. Груена находится в русле того потока современной литературы по антиковедению, главной чертой которого является стремление полностью отказаться от всякой модернизации древних обществ и протекавших в них процессов. Однако по поводу самой статьи могут быть сделаны и некоторые замечания. Первое из них — это определенная беззаботность автора относительно ключевых понятий в проводимом им исследовании. Что такое класс и что такое классовая борьба — этим вопросом он даже не задается. Определять классы способом противопоставления: бедные — богатые — слишком упрощенно. К числу недостатков надо также отнести отсутствие у Э. С. Груена исторической перспективы. Увлеченный исследованием процессов, которые протекали в Греции в годы, непосредственно предшествующие войне, и во время войны, он не видит исторического процесса в целом. Конечно, в ходе войны для римских руководителей в первую очередь были важны политические и военные союзники и они опирались на них, не обращая в данный момент особого внимания на их политические позиции. Самый яркий пример подобного подхода относится, правда, к несколько более раннему времени, но он настолько показателен, что мы считаем правомерным использовать его в данном контексте. Мы имеем в виду достаточно длительный союз между Римом и Набисом, наиболее радикальным реформатором в Греции эллинистического времени. Бесспорно, что определять римскую политику в Греции, опираясь на тезис о «классовой солидарности», совершенно неверно. Римляне думали только о своих выгодах, проблема поддержания господства олигархических кругов их не интересовала. Внутренняя борьба в Греции была для них лишь удобным обстоятельством, которое они использовали для достижения своих целей.

Но следует взглянуть на проблему и с другой стороны, с учетом более далекой исторической перспективы. Когда Рим одерживает победу, следующая цель римской политики — держать под контролем и эксплуатировать завоеванные территории. Но на кого можно опереться в деле сохранения «римского порядка»? Естественно, не на радикальную демократию, цели которой слишком противоположны римским. Единственной надежной опорой оказывается старая рабовладельческая верхушка. Общий ход событий толкает Рим и эти слои в греческих государствах на союз, существование которого определяется не «классовым сознанием», а взаимной необходимостью.

При таком рассмотрении, с учетом исторической перспективы стали бы заметны и некоторые истоки позиций ряда политических группировок, тем более что греческий мир уже имел исторический опыт отношений с Римом. В силу всего вышеизложенного концепция Э. С. Груена кажется несколько односторонней, и более правильными представляются взгляды Дж. Брискоу, на выводы которого мы опирались для обрисовки общей ситуации, хотя конкретной темой его исследования был несколько более

равний период¹. В связи со своей исходной позицией Э. С. Груен, как кажется, иногда несколько насильственно обращается с текстом Полибия и Тита Ливия. В частности, он считает, что термины *οἱ πολλοί* и *οἱ ὀχλοί* у Полибия и *multitudo* у Ливия всегда имеют значение только «большинство» и никогда не несут никакого социального оттенка. Кроме того, вызывает возражение его утверждение, что политика уничтожения долгов была в интересах только имущих.

В маленькой заметке В. Р. Коннора, завершающей первый номер, «Никий — критянин?» (стр. 61—64) доказывается необходимость небольшого изменения в чтении текста Фукидида (II, 85, 4—6). В результате вместо Никия-критянина появится известный афинский военный деятель Никий. Тем самым исчезнет трудность в истолковании текста, ибо при общепринятом чтении получается, что во главе афинской эскадры стоял не афинянин, а критянин — проксен Афин, что в то время весьма маловероятно.

Во втором номере 1976 г. опубликованы статьи Ф. Дж. Фроста «Племенная политика и гражданское государство» (стр. 66—75), С. Треггиари «Женская работа» (стр. 76—104) и Э. Бэдиэна «Рим, Афины и Митридат» (стр. 105—128).

В начале своей статьи Ф. Дж. Фрост утверждает, что, с точки зрения древнегреческих теоретиков, никакой разницы в конституции Афин в начале и конце V в. до н. э. не было, но в начале этого века Афины управлялись мудрой и доблестной аристократией, в конце же века у власти находилась радикальная демократия: в народном собрании, наполненном поденщиками и моряками, задавали тон торговцы, изо дня в день принимались законы, разрушавшие конституцию. Часто было даже просто опасно принадлежать к знатной фамилии. Современные историки, в общем, согласны с этой картиной, добавляя к ней только свои суждения о сущности демократии и аристократии. При этом и древние и современные авторы видят свою основную задачу в том, чтобы объяснить изменения «политического поведения», так как конституционные изменения в период от Клисфена до Клеона были минимальными. Какими же причинами объясняется это разительное изменение политического климата? С точки зрения Ф. Дж. Фроста, основная причина — появление Афинского морского союза. Именно создание его — это та резкая грань, которая разделяет два состояния афинского общества. Афинское общество до 480 г. до н. э., по мнению автора, — это сочетание жестко организованных родственных групп: генос, фратрия, фила. Основным элементом была фратрия, для членов которой ее авторитет был важнее, чем авторитет государства в целом. Само государство воспринималось только через посредство фратрии. Это было одно из типичных «традиционных обществ», основу которых составляют системы гентильных групп и земельная собственность. Атика в это время — в основном сельскохозяйственная страна. Земля была неотчуждаемой, что определяло в значительной мере стабильность всей системы.

Государственная система порождалась этой структурой общества. Власть руководителей фратрий и фил по своему характеру была аналогична власти отца в семье. Лидерство базировалось на «интуитивном» уважении к аристократии по рождению. Роль аристократии определялась отчасти тем обстоятельством, что именно ей принадлежали самые крупные земельные участки, отчасти же самой традицией, согласно которой аристократические фамилии происходили от героев. Создание буле и коллегии архонтов в VI в. до н. э. явилось результатом «интуитивного» стремления к стабильной форме управления, стало регулятором взаимоотношений знати в борьбе за лидерство. Политическая активность — это прежде всего спор за «почет». В отличие от многих других греческих государств афинская аристократия сохранилась вплоть до IV в. до н. э. Она создала свой кодекс поведения, который предохранял Афины от гражданских смут, столь обычных в других государствах Греции.

Реформы Клисфена уничтожили политические и военные функции старых фил и передали их десяти новым, искусственно созданным филам. Но нет никаких основа-

¹ J. B r i s c o e, *Rome and Class Struggle in the Greek States 200—146 B. C.*, «Studies in Ancient Society», ed. by M. I. Finley, London — Boston, 1974, стр. 53—73.

ний считать (как это делали древние и современные авторы), что цель Клисфена заключалась в демократическом устройстве государства. Созданная система не означала кардинального разрыва с прошлым. В конце VI в. до н. э. полис как политическая форма уже существовал, но сознание его гражданства оставалось на уровне племенного сознания.

Решительные изменения происходят только после создания Афинского морского союза, существование которого оказало влияние на все стороны жизни населения Аттики. Для экономики решающими оказались создание флота и грандиозное строительство в Афинах. Необходимая для этого рабочая сила поступала из сельских местностей. Происходили значительные изменения и в других отношениях. Резко возросло число афинских граждан (также недавних земледельцев), вовлеченных в активную каждодневную политическую деятельность, связанную как с собственно афинскими, так и с общесоюзными делами. В результате племенное сознание изживается и вырабатывается новое гражданское сознание, которое достигло своей зрелости к моменту начала Пелопоннесской войны.

Все это привело к решительному изменению в афинской политике. Ранее только узкий круг аристократов осуществлял руководство делами Афин, теперь же к активной политической деятельности пришли более широкие круги. В старом традиционном обществе строгая иерархия происхождения определяла статус человека, в новом, гражданском государстве все люди стали потенциально равными, рождался и новый стиль «политического поведения». Рядовые граждане постепенно приобретали политический опыт, и завершился этот процесс тогда, когда представители рядовых фамилий стали занимать самые высокие посты в государстве.

Картина эволюции афинского общества, нарисованная Ф. Дж. Фростом, вряд ли будет принята исследователями. При подобном подходе, несмотря на отдельные удачные наблюдения, остаются необъясненными самые основные проблемы политического и конституционного развития Афин. Можно согласиться с автором, что со времени реформ Клисфена никаких серьезных изменений в конституции Афин не произошло и что именно его конституция обеспечила господство демократии в Афинах, но, по взглядам Ф. Дж. Фроста, сами эти реформы не были подготовлены какими-либо общественными движениями в Афинах. В чем же, в таком случае, причина появления этой конституции? Почему в «традиционном обществе», обществе с безусловным господством аристократии, появилась эта демократическая конституция? На эти вопросы концепция Ф. Дж. Фроста ответа не дает и дать не может. Автор проходит мимо свидетельств о политической борьбе в Афинах вокруг вопросов о конституционном устройстве, точно так же он опускает и все свидетельства о связи экономических и конституционных аспектов в этой борьбе. Но ведь совершенно не случайным было то, что в реформах Солона соединялись меры по экономическому освобождению закабаленного крестьянства с мерами по усилению политического влияния тех групп гражданства, которые, обладая определенной собственностью, не принадлежали к истинной знати.

В истоке всей этой концепции лежит недооценка экономического уровня развития афинского общества в период до греко-персидских войн. Вряд ли справедливо высказываемое автором мнение относительно безусловного господства сельского хозяйства в экономике Афин. Многочисленные свидетельства опровергают это утверждение. К числу их относятся: развитие монетарной экономики, широкое распространение по всей Элладе произведений афинского керамического ремесла с середины VI в. до н. э. и т. д.² Рисуемой идиллическими красками картине жизни афинского общества под руководством аристократии противостоят свидетельства об ожесточенной внутренней борьбе в Афинах по крайней мере с эпохи Солона. Наконец, нельзя безоговорочно ут-

² M. I. Finley, *Early Greece: the Bronze and Archaic ages*, L., 1970, стр. 121—129; A. Franch, *The Growth of the Athenian Economy*, L., 1964; *European Economic History. Vol. I, The Ancient World*, by W. I. Davisson, J. E. Harper, N. Y., 1972, стр. 91 сл.

верждать, как это делает автор, что земля была неотчуждаема. Имеются сильные аргументы против этого утверждения³.

Работа С. Треггиари посвящена женскому рабскому труду в Риме — проблеме, не привлекавшей до сего времени достаточного внимания. Обычно исследователи упоминали лишь о наиболее известных женщинах-рабынях — императорских наложницах, одним словом, о тех женщинах, которые выделялись из общей массы рабов и оказывали влияние на жизнь высших классов. В своей статье автор стремится собрать материал о более широком круге женщин-рабынь, занятых в «аппарате» высшего слоя рабовладельцев. Территориальные рамки статьи — Рим, хронологические — время от Августа до начала II в. н. э. Основной материал дают надгробные надписи, найденные в колумбариях известных римских фамилий. Материал сгруппирован по профессиям. Несомненно, работа С. Треггиари заслуживает внимания как определенная сводка тех материалов, которые ранее никогда не анализировались вместе.

Статья Э. Бэдиэна «Рим, Афины и Митридат» касается некоторых моментов политической истории Афин в I в. до н. э. Автор указывает, что для этого периода все еще наиболее полным и детальным исследованием остается работа В. Фергюсона «Эллинистические Афины». Однако в основной концепции В. Фергюсона слишком ясно заметны черты, характерные для науки того времени. Интерпретация политической и социальной истории базируется на нескольких простых принципах. Одним из них, в частности, является положение о борьбе «олигархической» и «демократической» партий, которое с одинаковым успехом применялось для объяснения событий как V в. до н. э., так и I в. до н. э. В сущности, это было перенесением в древность явления, характерного для нового времени, — борьбы между старой аристократией и новым торговым классом.

В соответствии с таким подходом к истории В. Фергюсон открыл «олигархическую революцию» в Афинах около 103/2 гг. до н. э. При этом появилось странное объяснение — старая аристократия, вытесняемая олигархически настроенными нуворипшамми, становится (это совершенно неожиданно) борцом за традиционную демократию. Эта точка зрения превалирует до сих пор в литературе. Э. Бэдиэн очень основательно доказывает, что никакого сконструированного В. Фергюсоном (на базе неправильно понятых источников) олигархического переворота в действительности не было, как не было и порожденной им олигархической конституции.

В третьем номере содержатся статьи: К. Р. Уолтерса «Конституция предков» и афинская историография IV в. до н. э.» (стр. 129—144), Э. Кэшер «Отношение евреев к александрийскому гимназию в I в. н. э.» (стр. 148—161) и Э. Б. Босворта «Ранние отношения между Этолией и Македонией» (стр. 164—181), а также мелкие заметки: Д. Дауба «Марциал, отец трех» (стр. 145—147), Д. Р. Шэкклтона Бэйли «Смешение Лициниев Крассов» (стр. 162—163), Р. Э. Мойси «Дата Стратона из сидонского декрета» (стр. 182—189) и Р. Дж. Роулэнда «Коллеги Нерона-консула: заметка» (стр. 190—191).

В статье К. Р. Уолтерса проводятся следующие идеи. Согласно широко распространенному мнению, олигархи в Афинах и в 411 и 404 гг. выдвигали политическую программу возвращения к «конституции предков», т. е. к более олигархической конституции, чем та, которая действовала в Афинах. Однако автор считает это мнение совершенно неправильным. Сама концепция «конституции предков» стала возможной только после кодификации афинских законов в 403/2 гг. Ключевой термин *πάτριος πολιτεία* в источниках, имеющих отношение к этой проблеме, означает скорее «традиционная и применяемая в настоящее время», чем «традиционная и не применяемая долгое время». Только в IV в. до н. э. благодаря ошибке аттидографа Андротииона установилось неправильное толкование этого понятия. Андротиион рассматривал историю Афин как серию дискретных политий, которые становились все более демократическими, и в этой связи он рисовал Ферамена как человека, который хотел вернуть Афины к более раннему, более олигархическому состоянию и поэтому предложил возвращение к «кон-

³ M. I. Finley, *The Alienability of Land in Ancient Greece*, в кн. M. I. Finley, *The Use and Abuse of History*, L., 1975, стр. 150—153.

ституции предков». Эта интерпретация, неправильная в своей сути, была воспринята Аристотелем, а от него — современными исследователями.

Подобная концепция не кажется убедительной, поскольку автор смешивает воедино реальный процесс конституционного развития и те лозунги, которые выдвигали борющиеся политические группировки. Эти лозунги часто имели под собой весьма малые реальные исторические обоснования. Отметим, например, что Солона-законодателя использовали в целях пропаганды как олигархи⁴, так и демократы⁵. Обращение к идее «конституции предков» отнюдь не требовало твердого обоснования историческими фактами, особенно (как это неоднократно подчеркивает сам автор) при довольно слабом знакомстве широких кругов афинян конца V в. до н. э. со своим прошлым. Отметим также, что выдвижение подобной радикальной концепции, отвергающей все предшествующие взгляды, требует критического рассмотрения их, чего в статье не сделано. Однако в работах, посвященных этой проблеме, имеются некоторые аргументы, достаточно серьезно подкрепляющие общепринятые позиции. В качестве примера сошлемся на мысли, которые развивает М. Финли в связи со свидетельством Аристотеля (Ath. pol. 29, 3) относительно предложения Клитофонта. М. Финли⁶ связывает это предложение со свидетельствами о конституционной позиции учителя Клитофонта софиста Фрасимаха. Тем самым М. Финли достаточно твердо подкрепляет мысль о том, что лозунгом олигархов 411 г. до н. э. было возвращение к конституции предков.

Статья Э. Кэшера, носящая название «Отношение евреев к александрийскому гимназию в I в. н. э.», построена главным образом на анализе известного письма императора Клавдия александрийцам. Автор доказывает, что на основании этого письма нельзя делать вывод (который обычно делают исследователи) о том, что евреи Александрии стремились проникнуть в гимнасий, чтобы войти в состав александрийского гражданства. По мнению Э. Кэшера, евреи представляли собой организованное единство — политевму и добивались уравнивания в правах ее с александрийским гражданством.

В статье Э. Б. Босворта исследуется проблема взаимоотношений между Македонией и Этолией. Обычно считается, что этолийцы были верными союзниками Македонии. Филипп привлек к себе этолийцев обещанием передать им Навпакт — традиционный объект их притязаний. После победы при Херонее Филипп занял Навпакт и передал его этолийцам. Однако после смерти Филиппа происходит резкое изменение позиции Этолии, которая становится открытым врагом Александра.

При такой интерпретации событий, считает автор, совершенно невозможно понять причину изменения политики Этолии. Путем скрупулезного анализа источников Э. Б. Босворт пытается выявить причины столь резкого поворота в политике этолийцев. Картина, которую рисует автор, в нескольких важных пунктах отличается от обычной. Он стремится доказать, что в последние годы жизни Филиппа койнон этолийцев был разделен на три традиционных племени, каждое из которых обладало формальной автономией и собственным правительством. Это разрушение федеральной структуры Филипп провел, чтобы ослабить слишком усилившегося и ставшего слишком самостоятельным союзника. Поводом же послужили события, связанные с Навпактом. Как считает автор, Филипп в действительности только пообещал, но не передал Навпакт этолийцам. Цель Филиппа в эти годы — умиротворить бывших противников, и поэтому им было подтверждено право ахейцев на Навпакт, что вызвало резкое недовольство этолийцев. Этолия, вопреки желанию Филиппа, захватила Навпакт, что и привело к репрессивным мерам македонского царя. Навпакт был взят им штурмом, а койнон этолийцев — распушен.

Та реконструкция событий, которую предлагает Э. Б. Босворт, кажется весьма убедительной, хотя она базируется и на нескольких допущениях. Она дает непроти-

⁴ E. R u s c h e n b u s c h, Πάτριος πολιτεία. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes im Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr., «Historia», Hft. 7, 1958, стр. 400 слл.

⁵ А. И. Д о в а т у р, Политика и политии Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 125.

⁶ M. F i n l e y, The Ancestral constitution, Cambr., 1971, стр. 5—6.

воречивое объяснение изменения политики эллистцев в последние годы царствования Филиппа и в начале царствования Александра. Статья способствует прояснению общей ситуации в этот критический период истории Греции, в частности, помогает понять тот факт, что борьба различных государств Эллады с Македонией определялась каждый раз конкретными материальными причинами, а не абстрактной любовью к свободе.

В заметке Д. Дауба рассматриваются некоторые вопросы относительно тех преимуществ, которые римские законы предоставляли гражданам, имеющим не менее трех детей. В маленькой статье Д. Р. Шэклтона Бэйли доказывается, что под командой Метелла Сиппиона в 46 г. до н. э. было не два Лициния Красса, а один. Р. Дж. Роуэлэнд обращает внимание на то, кого именно Нерон выбирал в качестве коллег по консульству в первые годы своей власти. Имена его коллег совпадали с именами коллег Августа-консула. Тем самым Нерон хотел продемонстрировать не только свое желание сотрудничать с Сенатом, но и то, что он избрал в качестве образца для себя принципат Августа.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что новый журнал несомненно вызовет интерес всех исследователей истории античного мира. Уже на основании первых номеров можно достаточно отчетливо увидеть ту общую тенденцию, которая объединяет большинство статей и которая, видимо, представляет собой нечто вроде программы редколлегии журнала — решительная и беспощадная борьба со всеми проявлениями модернизации как общих концепций, так и конкретных истолкований истории античного мира. Нельзя не приветствовать эту тенденцию, столь явственно заметную в современном западном антиковедении. Но при всем том нельзя не видеть, что эта тенденция иногда приобретает формы, вызывающие самые серьезные опасения. Историк не может не обобщать. Писать «все, как было» (в духе Рапке) — подобный подход в наше время не может удовлетворить ни одного мыслящего исследователя. Явление, чтобы быть понятным, должно сопоставляться с иными явлениями того же порядка и именно здесь лежит основная трудность исторической интерпретации: где искать тот класс явлений, с каким должно быть сопоставлено то конкретное явление, исследованием которого занят ученый в данный момент. Ученые, принадлежавшие модернизаторскому направлению, сопоставляли факты, явления и процессы, протекавшие в античном обществе, с фактами, явлениями и процессами, характерными для капиталистического общества. Этот подход заводил антиковедение в тупик, и реакцией на него стало появление современного «антимодернистского» направления. Но исследователи, принадлежащие к нему, точно так же нуждаются в «моделях» для сравнения и некоторые из них в поисках таких «моделей» обращаются к так называемым «традиционным» обществам. Правильно ли это? Однако само это понятие — искусственно, оно, в сущности, весьма произвольно объединяет различные по социальной структуре общества: первобытные, рабовладельческие, феодальные. Единого «традиционного» общества нет, и искусственно сконструированная модель его — не более чем артефакт, который не может помочь исследователю, особенно исследователю античности. Та неудача, которую потерпел Ф. Дж. Фрост в своем исследовании структуры афинского государства и афинского общества, — яркий пример бесплодности подобного пути.

Л. П. Маринович, Г. А. Кошелев